

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн
Лимонная корка

«Public Domain»

1920

Куприн А. И.

Лимонная корка / А. И. Куприн — «Public Domain», 1920

«Этот смешной и трагический анекдот почерпнут нами из редкой книжки «The Book of eminent Boxers» (изд. W. Stewart, London, 1843), которая ссылается на еще более редкую книгу Пьери Эгона, опирающегося в свою очередь на полуспортивные английские газеты конца XVIII столетия...»

Содержание

Александр Иванович Куприн

Лимонная корка

Этот смешной и трагический анекдот почерпнут нами из редкой книжки «The Book of eminent Boxers» (изд. W. Stewart, London, 1843¹), которая ссылается на еще более редкую книгу Пьери Эгона, опирающегося в свою очередь на полуспортивные английские газеты конца XVIII столетия.

Полную фамилию лорда Томаса Б. (трижды пэра Англии, герцога за год до своей смерти в 1802 году) все три источника не оглашают, по вполне понятной причине, которая вскоре будет ясна и читателям; по той же причине и мы не называем целиком его имени. Достаточно будет сказать, что лорд Б. неоднократно встречался с Вильямом Питтом, лорд-канцлером графом Турлоу и казначеем флота Дундасом; был близко знаком с Бурком, Адиссоном и Диком Стилем, четыре вечера подряд обыгрывал в карты Чарльза Фокса и однажды перепил на портвейне и шотландской виски его светлость Вильяма-Генриха герцога Кларенса, утонувшего, как известно, в бочке мальвазии. Его величественная фигура и надменное лицо увековечены Рейнольдсом на портрете, хранящемся и поныне в одной частной коллекции в Америке.

Лорд Томас Б. оставил по себе тройную память: как вельможа, очень богатый даже по тому времени, как исключительный скупец и как ярый поклонник боксерского спорта. Последнее влечение иногда перетягивало в нем даже его бережливость, вошедшую в поговорку. Газеты того времени называют его имя в связи с именами знаменитых боксеров – голландского еврея Самуэля, Крибба, Джека Рандалья, Молинэ, «Боевого Петуха», Джона Джексона и других, которым он оказывал свое довольно щедрое покровительство. Надо сказать, что тогда, в эпоху всеобщего увлечения боксом, этот жестокий вид спорта пользовался гораздо большим почетом, чем в наши дряблые времена. Высокородные лорды не стеснялись публично на пристани засучивать рукава и вступать в состязание с каким-нибудь здоровенным лодочником с Темзы или держать сюртук своего фаворита-профессионала в те минуты, когда тот дрался внутри канатного барьера.

Последним из боксеров, кого взял под свою высокую опеку лорд Б., был Сюлливан – кажется, ирландец по происхождению, смелый и стойкий малый, замечательный как страшной силой своих ударов в схватках, так и привлекательным характером в частной жизни. Лорд Б. нашел его в очень бедственном положении, больным, полуголодным, на каком-то холодном чердаке, где он медленно оправлялся после своего громкого состязания с Чернокожим Ричмондом в Ньюкестле.

Попечения, которыми лорд Б. окружил Сюлливана, можно было бы назвать поистине отеческими, если бы к ним не примешивался дальновидный расчет, основанный на корысти и тщеславии. Дело в том, что Чернокожий Ричмонд (теперь нам неизвестно, был ли он мулат, креол или квартерон) и Сюлливан были не только двумя самыми сильными боксерами своего времени, но и давними заклятыми врагами. В спортивной публике глухо поговаривали о том, что причиной этой взаимной ненависти служила не так профессиональная ревность, как глубокая обида, нанесенная когда-то чернокожим семье ирландца. Замечательно было то, что в их неоднократных и свирепых встречах обидчик проявлял гораздо больше злобы, чем обиженный, ибо судьям приходилось нередко предотвращать со стороны Ричмонда недозволенные приемы.

Анонимный автор цитируемой нами книжки, склонный, как и все писатели XVIII столетия, к моральным рассуждениям, говорит по этому поводу:

---

¹ «Книга о знаменитых боксерах», изд. У. Стюарта, Лондон, 1843 г. (англ.).

«Как часто бывает, что благодетель привязывается сердцем к облагодетельствованному, и как нередко, причинив человеку зло, мы сами начинаем его за это ненавидеть».

Разыскать неизвестного боксера с большими задатками, прозреть в нем будущую звезду спорта, обеспечить ему приличное существование, дать необходимый тренинг, а потом выпустить его в свет для блестящей карьеры считалось тогда в высшем английском обществе столь же достойным и похвальным для настоящего джентльмена, как ныне считается шикарным видеть цвета своей конюшни побеждающими на скачках в Дерби и Ипсومه. Не надо также забывать и того, что во время боксерских состязаний заключались между джентльменами очень крупные пари, доходившие иногда до нескольких десятков тысяч фунтов.

Чернокожий Ричмонд и Сюлливан были одинаково известны. Они встречались уже неоднократно и каждый раз жестоко избивали друг друга, но окончательное первенство между ними еще не было установлено ввиду постоянной перемены счастья. Последняя их встреча не дала решительного результата, так как была прервана вмешательством полиции из-за скандала, поднятого публикой. Тогда многие зрители уверяли, что будто бы из боевой перчатки метиса выпала тяжелая монета времен королевы Елизаветы; впрочем, это, по мнению арбитров, доказано не было.

Знатоки, однако, уверяли, что за Ричмондом насчитывалось более шансов на звание чемпиона. Он был значительно выше ростом, чем Сюлливан, тяжелее его (если оба находились в своих лучших формах) на пятнадцать фунтов, обладал длинными руками, отличался, как все дикари, малой чувствительностью к боли и, кроме того, потая, издавал тот отвратительный, специфически негритянский запах, который действует удручающим образом на нервных борцов из белой расы. Словом, теперь понятно, до какой степени общественное внимание было привлечено к обоим боксерам и к лорду Б., взявшему под свое покровительство ирландца.

Сначала Сюлливан вел спокойную и деятельную жизнь в подгородном имении лорда. Трижды в день он поглощал сочные кровавые бифштексы с небольшим количеством поджаренного хлеба и запивал их пинтой доброго двойного шотландского эля; в промежутках, переварив еду, он тренировался со своими лидерами четверть часа, полчаса и час, а для того, чтобы «открыть дыхание», пробегал ежедневно десять миль вместе со своим бультерьером Фипси; в остальное время он купался или спал.

Его молодое тело быстро восстанавливало здоровье и крепость. А главное, к Сюлливану постепенно возвращались его превосходные душевные качества: воля, уверенность и терпение, чего совсем не было в чернокожем, который был страшен в первых нападениях, но при малейшей неудаче терял спокойствие, падал духом и становился трусливым, злым и суетливым.

Сюлливан отлично учитывал как все преобладающие шансы Ричмонда, так и свои достоинства. Но, к сожалению, их взвешивал не менее точно и сам лорд Б. Дальновидный человек и расчетливый игрок – он хорошо понимал, что его ставки за Сюлливана могут окупить расходы по покровительству и принести значительный барыш только в том случае, если победа Сюлливана явится для прочих игроков полной неожиданностью. Равенство закладов с той и другой стороны уже ввело бы скупого лорда в значительные убытки. А между тем шила в мешке не утаишь, и как ни старался лорд Б. держать в секрете тренинг Сюлливана, – прекрасные шансы этого боксера не сегодня-завтра могли сделаться известны широкой публике.

И вот покровитель начал сначала осторожно, в виде намеков, указаний и дружеских советов, а потом все настойчивее и грубее торопить ирландца к состязанию. Сюлливан однажды позволил себе мягко возразить лорду:

– Подождите еще немного, сэр. Теперь я в состоянии выдержать с негром полтора часа. Дайте мне, сэр, еще несколько дней, и у меня будет достаточный запас сил для того, чтобы в последнем круге (round) раздробить Ричмонду нижнюю челюсть.

Но лорд Б., подстрекаемый своей жадностью, становился с каждым днем нетерпеливее. Однажды он дошел в своей назойливости до такой степени, что дал понять Сюлливану о том,

как дорого обходится его содержание. С ирландцами можно производить всякие психологические опыты. Но попрекать их хлебом никогда не следует.

Сюлливан ответил коротко:

– Сэр, я готов.

Вскоре был назначен день матча. За два дня до него оба соперника были допрошены репортерами спортивных газет.

Чернокожий Ричмонд сказал:

– Вы увидите, как я быстро отправлю душу этого ирландца в ее католический рай.

Сюлливан высказался значительно и не без юмора:

– У Ричмонда кулаки в полтора раза больше моих. Следовательно, при одинаковом весе перчаток каждый дюйм его кулака жестче в полтора раза. Но я предпочел бы драться с ним вовсе без перчаток.

Эта шутка, если в ней разобраться, имела характер самого смелого вызова. К стыду тогдашних спортсменов надо сказать, что они иногда допускали бокс и без перчаток, голыми руками, но такие состязания всегда вели к тяжкому калечению и часто к смерти. Может быть, именно по этой причине Ричмонд настоял в выборе города на мягкосердечном Брайтоне, а не на Мульзее, который имелся в виду раньше и в котором судьи действительно могли разрешить этот жесточайший род бокса.

Щадя нервы читателей, я не буду переводить на русский язык описание всех двадцати четырех раундов (схваток), сделанных боксерами в день их встречи. Любителя сильных ощущений я отсылаю к прекрасному и малоизвестному рассказу Конан-Дойля «Мастер из Кроксвилля». Прочитав его, он до известной степени может представить себе, какое отвратительное и героическое, постыдное и прекрасное занятие – бокс.

Я только отмечу, что раунды были трехминутные, с минутным перерывом между ними. Боксер, упавший на пол и не поднявшийся на ноги в течение одиннадцати секунд, должен считаться побежденным, если только эти одиннадцать секунд не переходили за конец условленного трехминутного срока.

Еще до начала состязания лорд Б. натолкнулся на неприятную неожиданность. Вопреки всем расчетам и вероятностям, вопреки здравому смыслу, игра составлялась не за Чернокожего, а за Сюлливана, в размере пяти против четырех. После первого раунда разности закладов возросли до семи против трех, после четвертого они выразились в цифрах: Сюлливан – девять, Ричмонд – два.

Лорд Б. был немного бледнее обыкновенного, но ничем не обнаруживал своего беспокойства. После пятой схватки он подозвал к себе известного маклера Моисея, отдал ему на ухо какие-то распоряжения и затем с невозмутимым видом продолжал сидеть в первом ряду, у самого каната. Время от времени он отпивал из большой кружки свой любимый пунш из рейнвейна и виски и, вынимая ложкой ломтики лимона, медленно их обсасывал.

После седьмого раунда ставки за Ричмонда неожиданно для всех стали подыматься; к пятнадцатому они даже дошли до *al pari*². Никто не мог объяснить себе причину этого нелепого явления. Все видели, что Чернокожий Ричмонд вышел на состязание пьяным. Если его нападения и были необычайно свирепыми в первых схватках, то с двенадцатого круга он уже заметно начал сдавать³. Он весь лоснился, тяжело дышал и однажды споткнулся, но не от удара, а по собственной неловкости. Между тем Сюлливан, который до сих пор только защищался, не переходя в атаку, был свеж, бодр и дышал глубоко и спокойно, как спящий ребенок.

---

² Равного положения (*итал.*).

³ Автор книги и здесь приводит мудрую сентенцию: вино похоже на неверного друга, который сначала льстит, а потом предаст. (*Прим. автора.*)

Игра на Ричмонда так же быстро упала, как и подымалась, едва только Сюлливан начал наступление. Давно уже старые поклонники бокса не видали таких молниеносных выпадов, такой быстроты и точности движений, такого чудесного соединения расчета, отваги, гибкости и находчивости. От боковых ударов ошеломленный метис шатался между руками Сюлливана, как кулек выбиваемого тряпья; беспощадные прямые удары заставляли его отступать к самому канату, и раза три он уже обращался в бегство вокруг каната, сопровождаемый свистками и ругательствами зрителей.

Все поняли, что Чернокожий Ричмонд кончен. Теперь уже самые слепые и безрассудные игроки отказались от него. Один только маклер Моисей упрямо принимал ставки, предлагая за гиней три шиллинга, потом два и, наконец, даже один. Джентльмены смеялись ему прямо в лицо и записывали свои заклады без всякого увлечения, ради курьеза. Конец матча был ясен всем, до последнего мальчишки, продававшего морс и мятные лепешки.

Когда Ричмонд вышел на двадцать четвертый раунд, на него было жалко и забавно смотреть. Он шатался на ногах, колени у него подгибались, рот был открыт, и черномазое окровавленное лицо стало похожим на идиотскую маску. Только глубокий инстинкт опытного боксера еще держал его в стоячем положении и не давал ему упасть, а большие приемы водки в перерывах будили его угасавшее сознание.

В начале третьей минуты Сюлливан поймал метиса в мышеловку, то есть зажал его голову под свой левый локоть, притиснув ее к боку, а правой стал быстрыми и короткими ударами снизу превращать его глаза, губы, нос и щеки в одну кровавую массу. Ричмонд был весь мокрый от пота. Ему как-то удалось, втянув в себя скользкую шею и упираясь руками в тело противника, вырвать голову из этого живого кольца. Боксеры мгновенно разъединились, но разрыв этот был так силен и внезапен, что Ричмонд с размаху шлепнулся на пол в сидячем положении, а Сюлливан мелкими и частыми шажками понесся назад, спиной к барьеру. Но вдруг он как-то нелепо взмахнул руками и грузно упал на землю, на правый бок. Несколько раз он делал усилие, чтобы встать, подымал на руках свое туловище и опять со стоном припадал к полу.

– Четыре, пять, шесть... – считал вслух секунды один из судей.

На шестой секунде Ричмонд поднялся и стал среди площадки, покачиваясь и размазывая пот, кровь и пыль по своему страшному лицу.

– ...семь, восемь...

Сюлливан делал судорожные усилия, как раздавленный червяк, но не подымался.

– ...девять!..

– Стоп! – воскликнул второй судья, подняв вверх руку. – Три минуты. Антракт.

Одна секунда спасла Сюлливана от поражения. Его секунданты бросились к нему, желая помочь ему встать на ноги. Но он одним знаком остановил их.

– У меня, кажется, сломана нога, – сказал он. – Это пустяки. Но поглядите на это... вот на это...

Один из секундантов нагнулся и поднял с досок эстрады маленькую, растоптанную боксерским башмаком, скользкую корочку от лимона.

Невольно взгляды всех зрителей обратились к лорду Б., который направлялся к выходу со своим всегдашним надменным и спокойным видом. Маклер Моисей, занятый в дальнем углу залы приемом закладов, сделал было торопливое движение, точно намереваясь подбежать к нему. Но одним движением ресниц лорд Б. приковал его к месту.